

8 февраля научное общество отмечает свой профессиональный праздник – День российской науки. Но ежегодная дата – не единственный информационный повод для разговора с доктором философских наук, профессором Липецкого государственного технического университета, проректором по учебно-воспитательной работе Ириной Павловной ПОЛЯКОВОЙ. Даже того, кто сейчас далек от научных штудий, не оставляют равнодушными вопросы о том, чем живет дышит наука в состоянии непростого реформирования, почему научные лавры не каждому по плечу, о том, наконец, будет ли «собственных Платонов... Российская земля рождать».

– Ирина Павловна, *положа руку на сердце, я пришла с заготовками невеселых вопросов о современной науке. Предлагаю начать с того, что тяготит, а там и до хорошего доберемся. Поэтому не могу не спросить, как выживает наука в условиях современной бюрократизации: всех этих отчетностей по новым ФГОсам, составлении рейтингов, разработки вороха фейковых проектов, ежегодных актуализаций прежних и создания новых учебных программ?*

– Наука живет и развивается иногда благодаря внешней помощи, а иногда вопреки ряду препятствий. Полностью освободиться от отчетности невозможно, но видеть недостатки, работать над совершенствованием и упрощением самой си-

«МЫ ПРИШЛИ В ЭТОТ МИР НЕ ПОРАССУЖДАТЬ»

программ, который не позволяет погрязнуть в бумажной волоките. А на выпускающих кафедрах, где преподается до двадцати и более предметов, это выглядит проблематично, и приходится вовлекать в деятельность всех сотрудников кафедры. Но, с другой стороны, если бы у нас всех были единые рабочие программы, мы не учитывали особенности наших студентов и не было бы элемента творчества, пространства для маневров.

– *То есть программа разгрузки преподавателей решается. Как быть тогда с другой бедой нашей научной среды, о которой не говорит разве что ленивый? В последние годы участились случаи защиты некачественных диссертаций, плагиат шагает по стране, и позиции его только крепчают. Лжеученые пополняют научные сообщества столь же спешно, сколь потом лишаются научных степеней в ходе проверок. Почему-то больше всего некачественного продукта именно в гуманитарных науках. В чем вы видите причину этого?*

– По большому счету, в науку должен вести исключительно научный интерес, жажда познания,

темы. Это колоссальный труд, когда приходится иметь дело с большим количеством материала, анализировать, относясь к нему критически, и привносить новые идеи. А бывают замкнутые интроверты, но в определенный момент они выстреливают оригинальными идеями. Их надо

держкой в Российский фонд фундаментальных исследований. А любопытство движет человеком как жажда познания, как потребность докопаться до истины. Ну и, конечно, внимание к этому миру, потому что у равнодушно-го человека внимание сконцентрировано преимущественно на

торые несут угрозу: терроризм, нацизм и другие, – станут социально приемлемыми и приведут к фашизму и прочим необратимым и страшным вещам. В этом смысле роль философии в целом и та социальная роль, которую она на себя берет, очень высока.

Философия – это не поговорить, хотя бы потому, что все социальные, общественные и политические процессы имеют философскую базу и точку отсчета. И в компетенции философии остановить тот или иной общественный процесс или, напротив, дать ему жизнь. Человек со времен античности мало изменился: нас волнуют те же духовные и социальные проблемы. Но мир все-таки меняется, и это знают философы. Возьмем, к примеру, современное общественное отношение к детям и средневековое, когда считалось, что ребенок до пяти лет – это не гражданин, умерших детей даже не хоронили по этой причине, а просто выбрасывали. Или сравним сегодняшнее отношение к пожилым людям и то, как обращались со стариками в Японии некоторое время назад: если семья бедствовала, то старших ее членов собственные дети относили на гору, чтобы они там умерли с голоду и дали

стемы отчетности необходимо. Я могу сказать о кафедре, которую я возглавляла восемь лет и преподавателем которой являюсь по сей день. Руководителю научного коллектива важно понимать, что существуют специалисты с различным набором профессиональных качеств. У нас есть люди, которые очень сильны в методическом плане, они и занимаются «бюрократией», как вы ее определили, разработкой научных программ. Они понимают, как должен быть построен учебный процесс, чтобы каждый студент смог получить необходимый набор знаний. А есть преподаватели, увлеченные научными знаниями, — они не пишут программы, но все равно процесс обучения реализуют в рамках этих программ. Зато у них остается время на реализацию научных грантов, подготовку заявок на них, написание статей, монографий. Ведь занятие наукой требует большого количества времени... Нельзя, да и невозможно все взвалить на одного человека: он где-то начнет совершать ошибки, и в итоге продукт будет некачественным. У нас еще так хорошо сложилось, что набор преподавательских дисциплин неширок: философия преподается для бакалавров, методология науки нужна магистрам, история философии науки — аспирантская дисциплина, логика, концепции современного естествознания и некоторые курсы по выбору — вот тот круг

сосредоточенность не на собственных амбициях, не на возможности быстрого подъема по карьерной лестнице. У настоящих ученых все складывается как надо, а уже после приходит и репутация, и престиж, и карьера, и ученики. Есть и другие люди, к сожалению, движимые иными интересами, для которых важно не столько быть кем-то, сколько иметь что-то. Контроль над качеством диссертаций усилился, в результате этого те из них, которые недостойны представлять отечественную науку, перестают быть таковыми. Здесь, конечно, нужно эту проблему решать уже в аспирантуре. Встает вопрос о чистоплотности научного руководителя: с какой целью он набирает аспирантов: защитить как можно больше диссертаций, чтобы создать себе имя в ученом мире? Это может быть даже и вполне себе меркантильный интерес. Либо создать настоящую научную школу, когда тебе за своих учеников не будет стыдно, когда они впоследствии внесут вклад в российскую науку. Это одна сторона дела. Другая — надо обладать острой интуицией и опытом, чтобы на начальном этапе отсеивать тех, кто не сможет развиваться в научной области. Бывает, приходят в аспирантуру очень яркие, харизматичные ребята, но на каком-то этапе они «сдуваются», понимая, что философия — не просто размышления, пустопорожние рассуждения на разные

взять за руку и повести за собой, показать, как весь этот научный механизм работает, довести их до результата.

— Какими качествами должен обладать человек, чтобы стать философом?

— Я за свою жизнь не встречала такого среднестатистического философа, потому что существует множество течений, к которым каждый относится с большим или меньшим пиететом. Есть скептики, есть гедонисты, которые пропагандируют удовольствие как культ, есть все отрицающие нигилисты, экзистенциалисты, которые во главу угла ставят проблему человеческого существования... Но мне кажется, что ключевое качество, которое отличает философа, — это жажда познания, любопытство, которое можно сравнить с детским. Есть фраза немного циничная, но правдивая: «Занятие наукой — это способ удовлетворения личного любопытства за государственный счет». Это когда у нас возникает научный интерес и есть хорошая теоретическая база, есть идеи, которые готовы реализовать, мы обращаемся за грантовой под-

себе. Любопытство, внимание, творческий подход, стремление по-новому увидеть мир и формирует истинного философа.

— В отношении философии существует стереотип в сознании многих людей, что это даже не наука, а умение порассуждать на абстрактные темы. Но ведь это не так...

— Мой научный руководитель Леонид Павлович Станкевич говорил, что философия — самая конкретная наука. Он ее считал даже конкретней, чем математика, потому что она решает проблемы, которые ставит общество. Возникает новое социальное явление, как клонирование например, и философы одни из первых должны оценить, к каким последствиям оно может привести, дать ответ обществу на проблемный вопрос. Или возьмем эвтаназию, узаконенную на Западе. Там в комиссию по эвтаназии в обязательном порядке входит философ, который оценивает это явление с точки зрения этических рисков. Может возникнуть любой зазор, окно Овертона распахнется, и тогда любые социальные явления, ко-

возможность выжить таким образом оставшимся. Философия не просто изучает общественные и внутренние человеческие процессы, но и влияет на них. Таким образом, философская наука — это способ понять себя и этот мир лучше и сделать его более полным и совершенным.

— Какой философский вопрос вам как философу пока не удалось разрешить?

— Когда я разрешу для себя все философские задачи, я поменяю сферу деятельности, но что-то мне подсказывает, что не хватит жизни, чтобы все стало предельно ясно и понятно. На тот же вопрос о смысле жизни ты отвечаешь по-разному на разных возрастных этапах и в разных жизненных ситуациях, приходишь к пониманию, что смысл жизни в самой жизни, в ее полноте и богатстве, в реализации того потенциала, который есть в каждом человеке, в творчестве и в социальности. И такого рода загадок немало: природа любви, возможности психики, пределы роста человеческого общества, место человека в окружающем мире, источники творчества и границы свободы... То есть тем для научного поиска и возможности собственного развития огромное количество, как и для развития самой науки.

Беседовала
Светлана ЧЕБОТАРЕВА.
Фото автора.